

№ 4

ДЕКАБРЬ

1907.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ЕЛКА.

ГОРБУНЧИКЪ КОЛЬКА.

НЕЗАБУДКА.

КУКЛА ИЗЪ ТРЯПКИ.

ЛѢТНЕЕ УТРО.

МОРОЗКО (пьеса для дѣтей)

ЖЕМЧУЖИНА ОКЕАНА (око
чаніе).

РАЗСКАЗИКИ.

ШАРАДА. ЗАГАДКА.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Украшенія для ёлки.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

ЁЛКА.

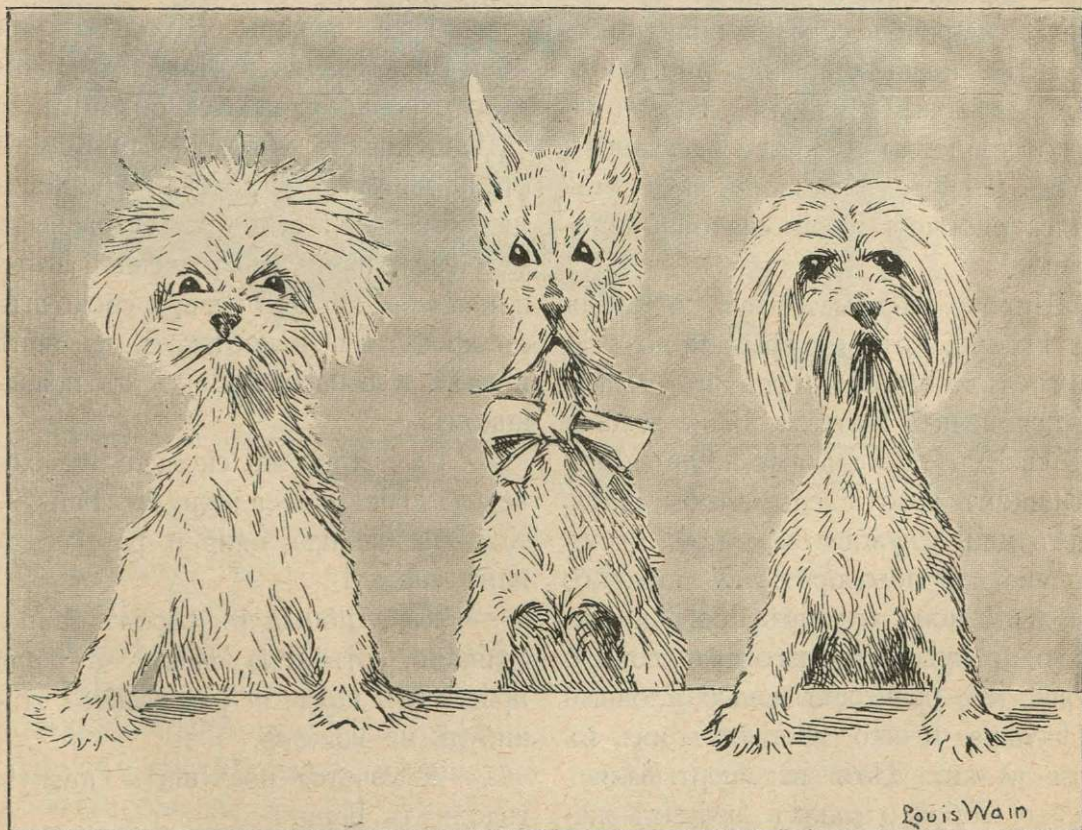
Ёлка, ёлка! Пляски, смѣхи,
Святочные дни,
Золочённые орѣхи
И огни, огни!

Куклы, лакомства, игрушки,
Позволенье ѣсть...
И съ костюмами хлопушки...
Можно-ли всё счесть?

Пляшутъ дѣти вокругъ ёлки,
Глазки ихъ блестятъ,
А на ёлкѣ ужъ иголки
Отъ свѣчей горять.

И дымокъ ихъ пахнетъ смолкой,
Точно отъ костра,
Ну, проститесь, дѣти, съ ёлкой,
Да и спать пора!

Кузнечикъ.

Позвольте представиться!

Был канунъ Рождества. Снѣгъ кучками висѣлъ на голыхъ вѣтвяхъ деревьевъ и мягкимъ бѣлымъ ковромъ лежалъ на лужайкахъ и куртинахъ парка; весело звонили колокола на церквахъ и по многолюднымъ, дѣловымъ улицамъ города съ яркоосвѣщенными окнами магазиновъ взадъ и впередъ спѣшили люди, стараясь окончить свои святочные покупки.

Широко раскрывъ глаза и слѣдя за тѣнями, которыя прыгали по стѣнамъ дѣтской отъ огня въ топившейся печкѣ, Катя и Ваня лежали въ своихъ постелькахъ. Они были слишкомъ возбуждены, чтобы спать, такъ много нужно было кой о чемъ подумать и поговорить. У каждаго на желѣзномъ прутикѣ кровати висѣло по чулку и разговоръ шелъ о томъ, что принесетъ ночью Елочный Дѣдушка и что положить имъ въ эти чулки. Дѣти перешептывались между собой о своихъ лучшихъ же-

ланіяхъ, а затѣмъ стали говорить о завтрашнемъ днѣ: что подадутъ къ обѣду, какое будетъ сладкое и будетъ ли это мороженое.

— А я видѣла, что будетъ на сладкое, сказала Катя.—Я заглянула въ кухню, а тамъ поваръ Никита дѣлаетъ что-то высокое, покрытое жженымъ сахаромъ...

На первый день Рождества къ дѣтямъ пригласили гостей и папа обѣщаль устроить имъ елку и показать волшебный фонарь. Ну, можно-ли заснуть, когда на завтра ихъ ожидало столько удовольствій!

Подъ конецъ, уставъ болтать, дѣти стали мечтать о томъ, что хорошо было-бы, если-бы теперь былъ уже завтрашній день и дневной свѣтъ и какъ-бы хорошо теперь соскочить съ кроватокъ и побѣжать къ папѣ и мамѣ и поздравить ихъ съ праздникомъ.

— Ну, вотъ ни сколько не хочется спать! воскликнулъ Ваня.—Хоть-бы пришла няня и рассказала намъ сказку!

— Няня пошла въ городъ за покупками, отвѣтила Катя,—а мама придти къ намъ и рассказать что-нибудь не можетъ.

— А хочется послушать сказку!.. вздохнулъ Ваня.

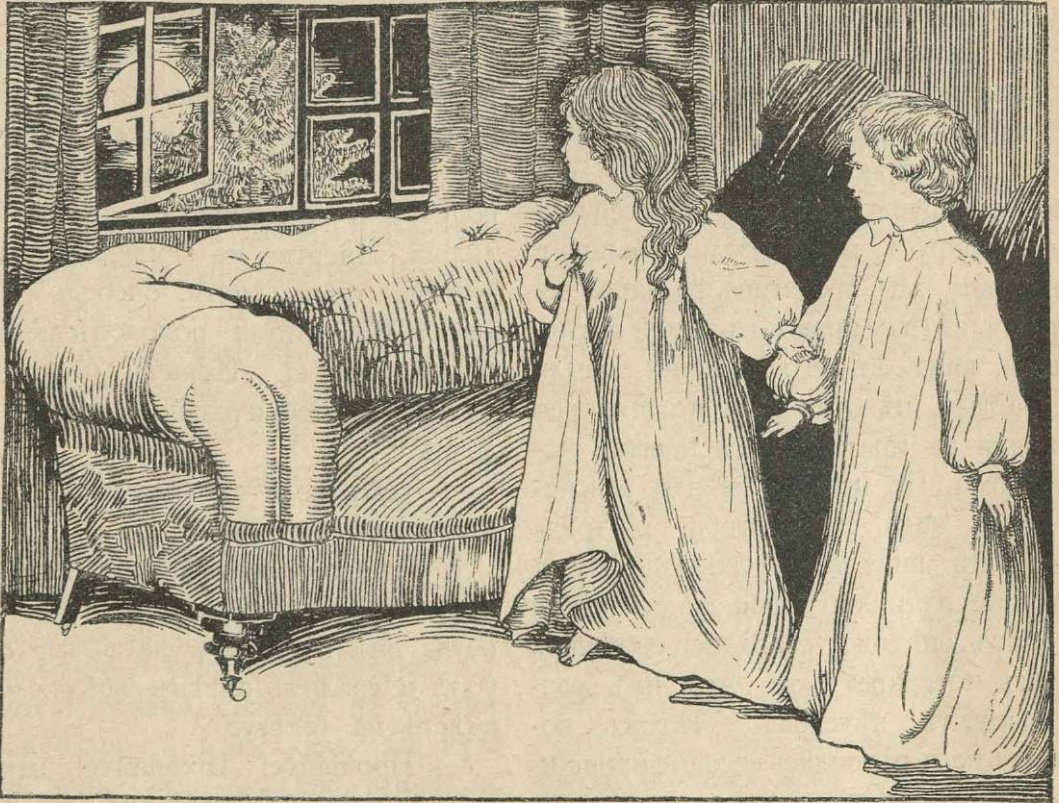
Тукъ-тукъ-тукъ!

Дѣти вскочили, сѣли на кроваткахъ и стали слушать. У самага окна дѣтской росла большая ель. Она росла здѣсь уже давно, какъ они помнили себя, и когда дулъ вѣтеръ и гудѣлъ по вечерамъ въ ея вѣтвяхъ, они любили слушать ихъ

Тукъ-тукъ-тукъ!

Елка потихоньку постукивала въ окошко. Выскочивъ изъ кроватокъ, Ваня и Катя перебѣжали на цыпочкахъ черезъ комнату и, ставши на колѣнки на диванъ, стоявшій у окна, стали глядѣть въ садъ.

Елка поклонилась имъ и узнала ихъ.

— Хотите, я разскажу вамъ сказку? сказала она.

ропотъ и стукъ вѣтвей о стекла ихъ окна. Часто, лежа уже въ постеляхъ, они высовывали головки изъ-подъ одѣялъ и глядѣли на звѣзды, блестящія сквозь ель, и сама она, одѣтая снѣжинками, блестяла на лунномъ свѣтѣ, точно усыпанная миллионами бриллиантовъ.

— Хотите, я разскажу вамъ сказку? сказала она.—Только укройте въ одѣяла и прикурните тутъ на диванѣ.

Дѣти послушались и сдѣлали такъ, какъ она сказала. Окно отворилось.

— Я разскажу вамъ сказку про самое себя, начала ель.—Можетъ быть вы не хотите?

— О, нѣтъ, нѣтъ! воскликнул Ваня.—Намъ очень пріятно узнать твою исторію, а то, что написано въ нашихъ книжкахъ, мы уже давно знаемъ наизусть!

— Я не всегда росла въ вашемъ саду, продолжала елка.—Прежде я жила въ самой срединѣ зеленого лѣса, тамъ, гдѣ собираются обыкновенно всѣ лѣсные духи. Тамъ не было ни шума, ни ссоръ, и только слышались голоса птичекъ, журчанье ручейковъ, да жужжанье насѣкомыхъ. Иногда вздохъ ночного вѣтерка нарушалъ тишину. Ранней весною вокругъ меня росли фіалки и анемоны. Мы протягивали наши зеленныя вѣтви прямо къ небу и глядѣли, какъ въ его вышинѣ плыли перистыя, нѣжныя облачка, а иногда играли въ прятки съ ласковымъ вѣтеркомъ. По ночамъ звѣзды рассказывали намъ свои исторіи о томъ, что онѣ видѣли на своемъ вѣку, а лунные лучи, окутывая наши вѣтви своимъ свѣтомъ, старались сообщить намъ по секрету то, что имъ рассказывалъ вѣтерокъ. Лѣтомъ вокругъ насъ рѣзвились веселые крошки-эльфы, по цѣлымъ днямъ прыгавшіе съ цвѣтка на цвѣтокъ. А когда наступала ночь и они укладывались спать, на смѣну имъ выходили лѣсныя феи, которыя плавали по воздуху и танцевали при лунномъ свѣтѣ вплоть до самаго утра.

Звѣзды старше всѣхъ, а потому и мудрѣе всѣхъ.—«Все на свѣтѣ существуетъ, говорили онѣ,—чтобы при-

носить пользу». И я часто спрашивала ихъ, когда-же принесу пользу и я?

— Будь терпѣлива и жди! всякій разъ отвѣчали онѣ мнѣ.—И ты создана не даромъ!

Однажды утромъ я проснулась отъ какого-то трещащаго и хрустящаго звука, который заставилъ меня задрожать. Онъ напомнилъ мнѣ о зимнихъ ночахъ, когда въ нашемъ лѣсу неистовствовала непогода, вырывая съ корнемъ и ломая даже благородныя деревья. Оказалось, что это люди съ топорами рубили моихъ подругъ и онѣ одна за другой валялись замертво на землю. Конечно, должна была дойти очередь и до меня. Мои вѣтви похолодѣли и я вся задрожала. Лѣсничій подошелъ ко мнѣ и одобрительно кивнулъ головой.

— «Эта годится для елки на Рождество! сказалъ онъ.

И выкопавъ меня и еще нѣсколькихъ молоденькихъ елокъ съ корнемъ, онъ оттащилъ насъ къ сторуонѣ и свалилъ затѣмъ всѣхъ насъ вмѣстѣ на телѣгу.

— Прощайте! Прощайте! закричала я роднымъ деревьямъ.

— Бодрись! отвѣтили мнѣ онѣ.—А о насъ не тужи. Развѣ худо, если изъ тебя сдѣлаютъ домъ или корабль, или сладкозвучную скрипку? А вотъ мы—оставайся здѣсь на всю жизнь въ лѣсу!

Долго везли насъ изъ лѣса и наконецъ привезли въ этотъ городъ. Здѣсь насъ посадили въ большія кадки и вывезли на базаръ прода-

вать. Около меня случайно оказалась маленькая елка, которая уже испытала всю эту судьбу. Она въ яркихъ краскахъ описала мнѣ всю очаровательную красоту рождественскихъ елокъ, такъ что я даже стала желать, чтобы меня поскорѣ продали къ дѣтямъ и убрали свѣчами, апельсинами и серебряными звѣздами.

— И тебя продали? спросилъ Ваня, слушавшій съ захватывающимъ интересомъ.

— Да, отвѣтила ель.— Меня купилъ какой-то человекъ и привезъ въ большой домъ на площади, гдѣ обитали преимущественно богатые люди. Но по пути мы проѣхали черезъ какія-то узенькія улицы, гдѣ у домовъ сновали грязно-одѣтые люди, которые кричали и шумѣли и гдѣ былъ такой спертый воздухъ, что мнѣ нечѣмъ было даже дышать. Здѣсь тоже были дѣти, но какія-то жалкія, оборванные, игравшія прямо на улицѣ, хотя глаза у нихъ были добренькіе и сами они казались тощими и худыми, совсѣмъ не такими, какія были въ томъ кварталѣ, куда меня привезли. Когда я ѣхала по этимъ улицамъ, то бѣдняжки окружали меня со всѣхъ сторонъ и, хлопая въ ладоши, прыгали и кричали:

— Елочка! Елочка! Куда ты ѣдешь?

Я нагнулась къ своей сосѣдкѣ и спросила ее:

— А что, и у этихъ дѣтей тоже бываютъ на Рождество елки, и имъ тоже кладетъ въ чулки подарки Елочный Дѣдъ?

— О, нѣтъ! отвѣтила моя сосѣдка.— Громадное большинство изъ этихъ дѣтей даже вовсе никогда не имѣетъ игрушекъ. Эти ребятишки видятъ игрушки развѣ только на картинкахъ, да въ окнахъ магазиновъ. А что касается до танцевъ вокругъ елки, разговѣнья и вкусныхъ праздничныхъ лакомствъ, то многіе изъ нихъ даже не имѣютъ чего на праздникъ и поѣсть. Правда, эти дѣти продаютъ по улицамъ спички, ваксу и цвѣты, но всѣ деньги, которые они зарабатываютъ, они отдаютъ своимъ отцамъ и матерямъ на покупку хлѣба.

— Мнѣ жаль ихъ, сказала я.— Я-бы хотѣла быть рождественской елкой именно у этихъ дѣтей! А богатая дѣти вѣдь избалованы и не оцѣнятъ нашей красоты!

Въ это время я почувствовала на себѣ взглядъ какого-то маленькаго тщедушнаго существа, которое всѣ другіе звали Колькой. Онъ смотрѣлъ на меня обожающими глазами и, протянувъ свою худую ручку, нѣжно потрогалъ меня за вѣтви. Жалость охватила меня всю, когда я увидѣла его блѣдное лицо и горбатое тѣльце.

— Какая елочка! проговорилъ онъ.— А ужъ что изъ нея будетъ, когда всю ее обвѣшаютъ свѣчами да гостинцами! Жаль, что я никогда въ жизни не видаль рождественской елки!

— Эка, чего захотѣлъ! отвѣтила ему худая, тоненькая дѣвочка, его

сестра.— Не съ нашими носами бывать на елкахъ!

— А на небѣ есть елки? опять спросилъ горбунъ, а потомъ вздохнулъ и пошелъ своими кривыми ножками на тротуаръ.

И какъ мало я тогда думала, что снова встрѣчусь съ этимъ Колькой! Но объ этомъ послѣ.

Вскорѣ затѣмъ насъ подвезли къ громадному дому на площади. Здѣсь-то, разставшись со своею подругой, я была внесена по роскошной лѣстницѣ въ большую, ярко-освѣщенную и богато убранную комнату. Вошли дамы и мужчины въ дорогихъ нарядахъ, а вслѣдъ за ними вошли и лакеи съ подносами, на которыхъ лежали цѣлыя горы разныхъ лакомствъ и игрушекъ. Меня стали украшать разными блестящими вещами, точно невѣсту къ вѣнцу, и столько на меня навѣсили, что я едва могла держать. А на другой день вечеромъ раздалась музыка, двери распахнулись и въ комнату ворвалось множество дѣтей, которыя изумленными глазками стали смотрѣть на меня, хлопать въ ладоши и затѣмъ принялись вокругъ меня бѣгать хороводомъ. Дѣвочки были такъ-же хороши и изящны, какъ дорогія куклы, висѣвшія на моихъ вѣтвяхъ: у нихъ были голубые глазки и длинные распущенные волосы, онѣ были нарядно одѣты и ихъ ножки были обуты въ хорошенькіе башмачки. Всѣ онѣ были такія румяныя и веселыя и, глядя на нихъ, я невольно

сравнивала ихъ съ тѣми дѣтьми, которыхъ я видѣла, когда меня везли черезъ грязные кварталы.

Когда были розданы игрушки, а затѣмъ сняты съ меня всѣ украшенія, какая-то женщина подошла къ моей хозяйкѣ и спросила ее:

— А что прикажете дѣлать съ самой елкой?

— Отдайте ее куда-нибудь въ больницу, отвѣтила хозяйка.— Тамъ вѣдь тоже, кажется, устраиваются елки на Новый Годъ!

— Прикажете послать и украшеній?

— Да, пошлите ящикъ или два!

Я задрожала отъ удовольствія, что меня опять будутъ наряжать. Безъ сомнѣнія, и въ больницѣ будутъ дѣти. Значитъ, я опять увижу ихъ ласковые глазки.

Нѣсколько дней спустя, я была уже въ больницѣ и стояла посреди дѣтской палаты. Все было чинно и строго. Маленькіе страдальцы робко сидѣли по стѣнамъ, сложивъ на колѣняхъ ручки и однимъ изъ нихъ было запрещено прыгать и веселиться, а другія и сами не могли этого сдѣлать, потому что были слишкомъ слабы.

— Няня, вдругъ услышала я знакомый голосъ,— подними меня, мнѣ хочется посмотрѣть на елку!

Няня подошла къ койкѣ и приподняла съ нея блѣднаго-блѣднаго ребенка.

Я взглянула на него и сразу-же его узнала.

Это былъ горбатый Колька. Онъ былъ слабъ, жизнь еле свѣтилась въ немъ, но когда онъ протянулъ ко мнѣ свои худенькія ручки, его лицо засвѣтилось радостью и въ его большихъ глазахъ блеснуло удовольствіе.

И какъ мнѣ было пріятно, что наконецъ-то и у него, у этого горбунчика Кольки, тоже была елка!

Затѣмъ дѣти что-то спѣли, но уже не было той веселой суеты, какую я видѣла въ богатомъ домѣ. Няни чинно подошли ко мнѣ, чинно сняли съ меня украшенія и роздали ихъ дѣтямъ. Но мнѣ было отраднo, что маленькій Колька видѣлъ меня во всей моей красотѣ. А потомъ меня отодвинули къ углу, няни ушли и всѣ дѣти улеглись въ свои постели.

На другой день, послѣ полудня, пришелъ докторъ и осмотрѣлъ нѣкоторыхъ дѣтей. Остановившись около Кольки, онъ пощупалъ у него пульсъ, нахмурился и покачалъ головой.

— Едва-ли онъ переживетъ эту ночь, шепнулъ онъ нянѣ.—Ужъ очень плохимъ его сюда привезли!

Я услышала эти его слова. Слезы навернулись у меня на вѣтвяхъ.

— Бѣдный мальчишка! проговорила она.—Хорошо еще, что ему удалось повидать елку. Все время онъ только и говорилъ, что о ней. Можетъ быть, ему еще можно помочь, докторъ?

— Боюсь, что нѣтъ, отвѣтилъ докторъ и, безнадежно махнувъ рукой, отошелъ отъ горбунка къ другому больному.

Къ вечеру Колька оживился; глаза его какъ-то лихорадочно заблестали и то и дѣло поворачивались въ мой уголъ, гдѣ я стояла. Я знала, что онъ думалъ обо мнѣ и желалъ увидѣть меня въ блескѣ еще разъ. А затѣмъ взглядъ его потухъ, мало-помалу всѣ дѣти заснули, вошла ночная сидѣлка и оглядѣла Кольку, который тоже, казалось, заснулъ. Погасивъ огни и оставивъ только одинъ ночникъ, сидѣлка подсѣла къ нему и стала перелистывать книгу.

Настала ночь. Старый годъ медленно умиралъ, а мои мысли были опять тамъ, у насъ въ лѣсу, въ самой его чащѣ, гдѣ я росла. Я тамъ привѣтствовала новый годъ, и лѣсные духи, выльзая потихоньку изъ своихъ норокъ, начинали танцевать по пушистому снѣгу. Но вотъ часы пробили полночь. Палата погрузилась въ гробовую тишину и сидѣлка опустила голову на грудь и заснула прямо въ креслѣ.

Какъ вдругъ я услышала крикъ и, оглядѣвшись вокругъ себя, увидела, что Колька вскочилъ на своей постелькѣ и протянулъ впередъ ручки. Его лицо преобразилось отъ радости и, казалось, что силы вновь возвратились къ нему.

И вдругъ вся палата наполнилась какимъ-то удивительнымъ свѣтомъ и, стоя въ самой срединѣ этого свѣта, прекрасный ангелъ, испуская отъ себя лучи, сталъ приближаться къ горбунчику. Бѣлые голуби рѣяли надъ его златокудрой головкой, его нѣж-

ныя ножки были босы и голубые глазки весело улыбались Колькѣ.

Этотъ таинственный пришелецъ подошелъ прямо ко мнѣ, коснулся моихъ вѣтвей и вдругъ всѣ онѣ засіяли свѣчами и тысячи игрушекъ и

Маленькій Колька въ очарованіи всплеснулъ ручками и сталъ смотрѣть на меня полными удивленія и удовольствія глазами. Тогда пришелецъ поднялъ его съ кровати и понесъ его ко мнѣ.

бриллиантовъ, и драгоценныхъ камней вдругъ повисли на моихъ вѣтвяхъ и на верхушкѣ у меня вспыхнула алмазная корона. И я поняла тогда, что ни одна елка въ свѣтѣ не была такъ красива, какъ я.

— Бери себѣ все, что хочешь, обратился онъ къ нему. — Эта елка принадлежитъ тебѣ.

Колька указалъ ему на алмазную корону и пришелецъ снялъ ее съ меня и надѣлъ ее на него. А за-

— Знаешь, мама, сказала Катя,—мнѣ хочется устроить ёлку...

тѣмъ онъ поцѣловаль Кольку въ лобъ и, поманивъ его за собою, умчался съ нимъ далеко на небо, туда, гдѣ свѣтятъ ласковыя звѣзды.

Ночникъ погасъ, въ палатѣ сдѣлалось темно и больше я ужъ не видала ничего. А когда наступило утро и блѣдныя лучи разсвѣта за-

глянули къ намъ въ окна, то я посмотрѣла на койку Кольки.

Она была пуста.

Колька умеръ и его унесли уже изъ палаты.

На слѣдующій день тотъ-же самый человекъ, который принесъ меня въ больницу, унесъ меня изъ нея, а затѣмъ меня продали вашему папѣ, а онъ посадилъ меня въ своемъ саду и вотъ я расту здѣсь у вашихъ оконъ.

Вотъ и вся моя исторія! закончила елка свой рассказъ.—А теперь укройте вы потеплѣе и давайте спать!

И Ваня и Катя укрылись съ головками одѣяломъ и крѣпко заснули.

А когда настало утро, они рассказали эту исторію своимъ папѣ и мамѣ.

— Знаешь, мама, сказала Катя,— мнѣ хочется устроить елку и для бѣдныхъ дѣтей! Можно? Вѣдь ты позволишь?

— Конечно, можно!—отвѣтила мама,—но только съ условіемъ: вы

должны купить для елки украшеній на тѣ именно деньги, которыя лежатъ въ вашихъ копилкахъ!

Ваня и Катя тотчасъ-же принялись за устройство елки. Ихъ родители и подруги помогли имъ и игрушекъ было накуплено много. Елку помѣстили въ залъ, украсили залу гирляндами и пригласили самыхъ бѣдныхъ дѣтей. Послѣ музыки и танцевъ имъ былъ предложенъ чай и каждому изъ нихъ было дано по игрушкѣ и по мѣшечку сластей.

И какъ было весело, какъ эти бѣдныя дѣти хорошо держали себя и какъ умѣли цѣнить то, что сдѣлали для нихъ Катя и Ваня!

А Катя и Ваня жевали вмѣстѣ съ ними дешевенькія деревенскія конфекты и онѣ казались имъ въ тысячу разъ вкуснѣе, чѣмъ нарядныя лакомства въ заманчивыхъ коробкахъ, къ которымъ они уже такъ привыкли.

Съ англійскаго, разс. Э. С. Роджерсъ.

НЕЗАБУДКА.

Ужъ молитву прошептали
Раннимъ утромъ всѣ цвѣты,
И давно ужъ зазвучали
Пѣсни пташекъ съ высоты.

Не лѣнись, моя малютка,
Глазки сонныя раскрой,
Чтобы въ полѣ незабудка
Не смѣялась надъ тобой.

Скажетъ: «Крошка не видала
Нашей утренней росы?
Ты въ постелькѣ продремала
Утра яснаго часы?»

Ай-ай-ай! Смѣяться буду,
Всѣмъ повѣдаю,—смотри!..
Не забуду, не забуду,
Не забуду до зари!»

М. Пожарова.

КУКЛА ИЗЪ ТРЯПКИ,

Быль сочельникъ. Звѣзды какъ-то холодно блистали съ неба и вся земля была покрыта снѣгомъ. Звонили колокола и на стѣнахъ дѣтской ходили тѣни отъ пылавшаго камина.

Катя и Соня крѣпко спали на своихъ кроваткахъ подъ теплыми одѣяльцами. И хотя ихъ куклы тоже были уложены спать еще рано вечеромъ,—однако онѣ не спали и вели шумный разговоръ. Каждая изъ нихъ говорила о томъ, чего-бы она желала имѣть на елку, и многія изъ нихъ, подражая дѣтямъ, тоже повѣсили свои чулки на стѣнки кроватокъ, чтобы ночью Елочный Дѣдушка, проходя съ подарками къ Катѣ и Сонѣ, положилъ что-нибудь въ чулокъ и имъ.

— Я буду очень разочарована, сказала кукла съ закрывающимися глазами,—если онъ не подаритъ мнѣ чернаго шелковаго платья и коралловаго ожерелья.

— Да вѣдь у тебя все это уже есть! воскликнула кукла изъ неразбивающейся массы.

— Такъ что-же? Есть, да не модное. А я хочу, чтобы у меня было черное платье по самой послѣдней модѣ.

Кукла съ закрывающимися глазами была очень суетна, гордилась собой и не любила другихъ. Всѣ другія куклы сторонились ея, но побаивались ея и потому не показывали ей своего нерасположенія.

— А мнѣ-бы красный зонтикъ!.. сказала японская кукла.

— А мнѣ-бы мѣховую шубку! сказала русская кукла съ длинными косами.

— А что-то мнѣ положить въ чулокъ Елочный Дѣдъ? вздохнула Матрешка.

Кукла съ закрывающимися глазами была очень груба и не отличалась хорошими манерами.

— Тебя-то ужъ и самое пора бросить въ печку! проворчала она.

Матрешка густо покраснѣла, а всѣ другія куклы громко разсмѣялись. Не смѣялась только одна кукла изъ тряпки.

— А мнѣ-такъ нечего и ждать отъ Елочнаго Дѣда, съ грустью сказала она,—у меня вовсе нѣтъ чулка. Можетъ быть, кто-нибудь изъ васъ и дастъ мнѣ на время одинъ?

И она глубоко вздохнула.

Каждая изъ куколъ могла-бы предложить ей взаймы по чулку, за исключеніемъ развѣ одной только куклы съ закрывающимися глазами, которая изъ жадности вывѣсила сразу оба свои чулка. Но гордячка взглянула на нее такъ, что она задрожала, а всѣ другія испугались и смолчали.

— Тебѣ? Тебѣ-чулокъ? сказала она.—Посмотри-ка лучше себѣ на ноги. Развѣ на нихъ есть пальцы? Это не ноги, а какія-то культияпки! Тебѣ-бы быть гдѣ-нибудь въ дворницкой, а не здѣсь!

Тряпочная кукла глубоко вздохнула и съ трудомъ сдержала слезы. А затѣмъ куклы утомились болтать и одна за другой стали засыпать, и скоро заснули совсѣмъ. Въ дѣтской наступила тишина.

Одна только кукла изъ тряпки не могла заснуть и, повѣсивъ голову, склонилась въ уголкѣ и стала горько плакать.

— Въ чемъ дѣло? вдругъ послышался съ боку ея голосъ.—О чемъ ты плачешь?

Въ удивленіи она подняла глаза вверхъ и увидала около себя Петрушка-на-пружинкѣ. Онъ выскочилъ изъ своего ящика и склонился надъ ней.

— У меня нѣтъ чулка, чтобы поѣхать на кровать, отвѣтила она и

зарыдала.—И никто не хочетъ мнѣ его одолжить... Я такъ несчастна! Всѣ презираютъ меня, потому что я изъ тряпки.

Она утерла слезы кулачками, на которыхъ не было пальцевъ.

— Ахъ, если-бы и я была такъ прекрасна, вздохнула она,—какъ эта фарфоровая кукла съ закрывающимися глазами!

— Прекрасенъ тотъ, кто прекрасно поступаетъ, проворчалъ Петрушка-на-пружинкѣ.—Она не могла дать тебѣ и одного чулка, а сама-то повѣсила сразу два! Посмотримъ, какіе подарки сдѣлаетъ ей Елочный Дѣдъ!

И онъ оглядѣлся по сторонамъ.

— Всѣ спятъ... продолжалъ онъ таинственнымъ тономъ.—Не желашь-ли ты прокатиться со мной? Я получилъ приглашеніе на эту ночь къ царицѣ Фей и могъ-бы взять туда съ собою и тебя.

— Благодарю васъ, вы очень любезны, отвѣтила тряпочная кукла.—Я слыхала отъ Кати и Сони, что гдѣ-то есть страна Фей, и мнѣ такъ-бы хотѣлось ее видѣть!

— Тогда садись ко мнѣ въ ящикъ! сказалъ Петрушка-на-пружинкѣ.

Тряпочная кукла сѣла къ нему въ ящикъ и онъ тотчасъ-же поднялся съ земли и выплылъ черезъ открытую форточку на улицу, гдѣ все утонуло въ темнотѣ и молчало. Долго они летѣли надъ обсыпанными снѣгомъ деревьями и бѣлыми, замерзшими полями. Подъ ними проносились сонные города, вершины горъ,

рѣки, озера и моря. Тряпочная кукла смотрѣла съ интересомъ на этотъ новый, открывавшійся для нея міръ, и, глядя на него съ высоты, чувствовала головокруженіе.

Они летѣли такъ до тѣхъ поръ, пока не достигли до серебряной лѣстницы. Здѣсь ящикъ остановился и, выйдя изъ него, они стали взбираться по ней къ двумъ прекраснымъ дверямъ, находившимся въ концѣ лѣстницы. Онѣ были очень искусно вычеканены изъ золота и слоновой кости и были украшены драгоценными камнями. Какъ только тряпочная кукла и Петрушка-на-пружинкѣ подошли къ нимъ, онѣ распахнулись и, переступивъ черезъ порогъ, они увидели себя въ странѣ Фей.

Въ первую минуту тряпочная кукла была прямо ослѣплена блескомъ этой страны, но когда глаза ея привыкли, она стала приглядываться ко всему и на все смотрѣть съ любопытствомъ и удовольствіемъ. Повсюду цвѣли удивительные цвѣты и зрѣли вкусные фрукты, какихъ нельзя было найти на землѣ. Хорошенькія дорожки, посыпанныя золотымъ песочкомъ, вились по бархатнымъ лужкамъ и вдоль тѣнистыхъ зеленыхъ аллей и приводили къ таинственнымъ гротамъ, высѣченнымъ изъ хрусталя и янтаря, гдѣ красивые фонтаны бросали въ воздухъ свои серебряныя струи и гдѣ бѣлоснѣжные водопады съ пѣною срывались съ уступа на уступъ. Птицы съ блестящими перьями летали туда и сюда и пѣли свои

чудныя пѣсни и по тихой, спокойной поверхности ласковаго озера граціозно плавали лебеди и росли бѣлыя лиліи и пурпуровыя ирисы.

Повсюду имъ встрѣчались толпы Фей. Онѣ играли, пѣли, смѣялись. Нѣкоторыя изъ нихъ, забравшись въ самыя чашечки цвѣтовъ или притаившись подъ листками, весело играли въ прятки. Летали красивыя бабочки, жуки и мушки.

Петрушка-на-пружинкѣ направилъ свой путь прямо къ рѣкѣ, гдѣ у самаго берега ихъ уже ожидала лодка, сдѣланная изъ жемчужной раковины. Она была отдѣлана кремовымъ атласомъ и два лебедя были въ нее запряжены. Сѣвши на спины къ лебедямъ и потянувъ тоненькія шелковыя вожжи, двѣ маленькія феи, одѣтыя въ серебристыя туники и въ золотыя сандалии, предложили имъ садиться въ лодку. И какъ только тряпочная кукла и ея другъ помѣстились въ ней, лебеди медленно поплыли вдоль по рѣкѣ и привезли ихъ ко дворцу Царицы Фей.

Никогда въ жизни своей тряпочная кукла не видала такого блеска и изящества, какъ этотъ дворецъ. Онъ весь былъ сдѣланъ изъ бриллиантовъ и опаловъ, которые переливали разными цвѣтами и отливали радугами на солнечныхъ лучахъ. Маленькій, воздушный герольдъ затрубилъ въ серебряную трубу, чтобы возвѣстить объ ихъ прибытіи, и они тотчасъ-же вошли во дворецъ.

Здѣсь они увидели Королеву Фей.

Она была прекрасна, какъ мечта, ея золотые волосы спускались у нея до самыхъ пятъ, глаза у нея были, какъ фіалки, и щеки, какъ цурпуръ. Она сидѣла на тронѣ изъ слоновой кости и одѣта была въ золотую мантию, украшенную жемчугомъ и опалами. На головѣ у нея была маленькая корона изъ брилліантовъ и въ рукахъ она держала золотой скипетръ, осыпанный драгоцѣнными каменьями.

Вся зала была полна приглашенныхъ гостей и фей, состоящихъ при дворѣ. Всѣ они сидѣли на подушкахъ изъ розовыхъ лепестковъ или-же прохаживались взадъ и впередъ въ своихъ костюмахъ изъ лепестковъ и чашечекъ цвѣтковъ. Царица Фей привѣтствовала тряпочную куклу и Петрушку-на-пружинкѣ и указала имъ мѣсто около себя. А затѣмъ зазвонилъ серебряный колокольчикъ и вошли феи-пажи, неся столы, уставленные рѣдкими кушаньями и винами. Тогда другія феи стали угощать куклу и Петрушку и они ѣли и пили и находили, что лучше и вкуснѣе они никогда не ѣли въ жизни. А когда былъ оконченъ обѣдъ, феи заиграли на арфахъ и флейтахъ и запѣли хоромъ и всѣ стали танцевать новые танцы.

— Я хочу показать вамъ свои владѣнія, обратилась къ пришельцамъ Царица Фей,—и покатать васъ по нашей странѣ.

Они поднялись со своихъ мѣстъ и вслѣдъ за тѣмъ ко крыльцу была подана маленькая каретка, въ кото-

рую были запряжены красивыя бабочки.

— Намъ не усѣсться въ эту карету! сказалъ Петрушка-на-пружинкѣ.—Мы слишкомъ велики.

Тогда Царица-Фей крикнула къ себѣ одну изъ своихъ фрейлинъ и что-то шепнула ей на ушко. Та удалилась куда-то и скоро возвратилась назадъ съ хрустальнымъ флакончикомъ, въ которомъ была какая-то волшебная жидкость. Царица Фей брызнула нѣсколько ея капель на тряпочную куклу и ея друга и они тотчасъ-же сдѣлались такими маленькими, какъ феи. Послѣ этого они сѣли въ каретку вмѣстѣ съ Царицей Фей и бабочки помчали ихъ по странѣ.

— Я не дѣлаю дѣвочкамъ и мальчикамъ подарковъ, какъ Елочный-Дѣдъ, сказала Царица-Фей,—но я тѣмъ изъ нихъ, кто находится въ горѣ и несчастіи, посылаю въ ночь подъ Рождество счастливые сны. Мои феи, которыя ткуть эти сны изъ цвѣтовъ и изъ золотыхъ и серебряныхъ нитей, разсыпаютъ ихъ потомъ по всей землѣ и къ кому попадетъ въ кроватку или колыбельку такой сонъ, тотъ видитъ во снѣ счастливыя исторіи, полныя захватывающаго интереса.

И она провезла ихъ по тѣмъ лугамъ, гдѣ феи сновъ дѣлали свою причудливую работу изъ цвѣтовъ и блестящихъ нитей, сплетая ихъ въ очаровательные, фантастическіе узоры.

— А теперъ я повезу васъ къ водянымъ духамъ, сказала она.

И они полетѣли прямо къ озеру, по поверхности котораго плавали бѣлоснѣжныя лиліи, и ставши на одну изъ нихъ, стали погружаться вмѣстѣ съ нею въ воду.

Одѣтые въ свои зеленыя платья, одѣланныя серебромъ, водяные духи гурьбой вышли имъ на встрѣчу и стали затѣмъ имъ показывать свой домъ, что очень занимало куклу изъ тряпки. Стѣны этого дома состояли изъ водорослей и освѣщались зеленоватымъ свѣтомъ, проникавшимъ откуда-то сверху, съ поверхности озера, а столы и стулья были сдѣланы изъ лепестковъ водяныхъ лилій. Играя на своихъ арфахъ, сдѣланныхъ изъ жемчужныхъ раковинъ и золотыхъ струнъ, водяные духи шли слѣдомъ за своими гостями и пѣли хоромъ прекрасныя, но печальныя пѣсни о тѣхъ невозвратныхъ временахъ, когда они еще жили на землѣ и когда люди еще вѣрили въ ихъ существованіе. А затѣмъ по приказанію Царицы-Фей они показали куклѣ изъ тряпки свои удивительныя пещеры, усѣянныя драгоценными камнями, и свои несмѣтныя богатства и столько разныхъ интересныхъ вещей, что кукла изъ тряпки едва успѣвала все запоминать.

— Прежде чѣмъ ты возвратишься на землю, обратилась къ ней Царица

Фей,—мнѣ хотѣлось-бы, чтобы ты о чемъ-нибудь меня попросила. Я дамъ тебѣ все, чего ты ни попросишь!

— Мнѣ хотѣлось-бы быть красивой, отвѣтила кукла изъ тряпки,—и сдѣланной изъ фарфора.

И едва только она произнесла эти слова, какъ тотчасъ-же превратилась въ хорошенькую дорогую куклу съ закрывающимися глазами и съ настоящими курчавыми волосами.

Петрушка - на - пружинкѣ посмотрѣлъ на нее съ нескрываемымъ восхищеніемъ.

— Ты теперь гораздо красивѣе, сказалъ онъ,—чѣмъ та заносчивая кукла съ закрывающимися глазами.—Я такъ бы хотѣлъ, чтобы ты теперь была самой любимой куклой у Кати и Сони!

Слезы навернулись ей на глаза.

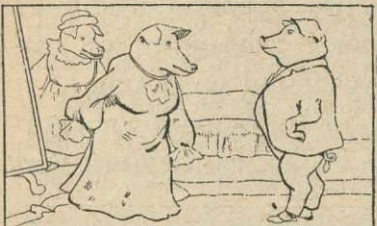
1. Господа Хрюшкины отправились въ столицу.

2. Вотъ они прѣехали и выходятъ изъ вагона.

3. Съ вокзала они отправились въ каретѣ въ самую лучшую гостиницу.

4. Занявши самый лучший номеръ, Хрюшкины рѣшаютъ отправиться съ визитомъ къ г-жѣ Оленевой.

5. Г-жа Хрюшкина стала одѣваться. Пригласила парикмахера Обезьянкина.

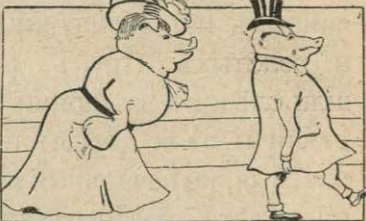
6. Обезьянкинъ причесалъ ее по последней модѣ.

7. Горничная Хавронья одѣла свою барыню въ лучшее платье.

8. Г-нъ Хрюшкинъ со всѣхъ сторонъ осмотрѣлъ свою супругу.

9. Затѣмъ они отправились садиться въ карету.

И онъ насильно засунулъ ее обратно въ свой ящикъ и больше ужъ она не помнила ничего.

А когда она проснулась, то было утро и всѣ спали. Около нея стоялъ Петрушка-на-пружинкѣ и глупо смотрѣлъ на нее своими глазами, сдѣланными изъ стеклянныхъ бусъ.

И она поняла, что все это былъ сонъ. Она глубоко вздохнула, слезы навернулись ей на глаза, но она отерла ихъ ручкой безъ пальцевъ и старалась казаться веселой.

— «Навѣрное этотъ сонъ мнѣ послала Царица-Фей!» подумала она. — «Вѣдь я такъ несчастна!»

А Петрушка-на-пружинкѣ покачалъ головой и сказалъ:

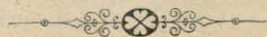
— Всѣ некрасивые несчастны!

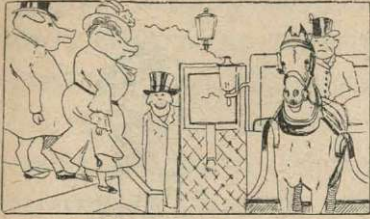
А потомъ подумалъ немного и добавилъ:—

— Но зато они почти всегда умны!

И оба стали дожидаться, когда проснутся дѣти и начнутъ ими играть.

Е. С. Р.

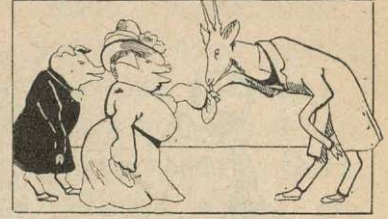

10. Въ каретѣ они отправились къ г-жѣ Оленевой.

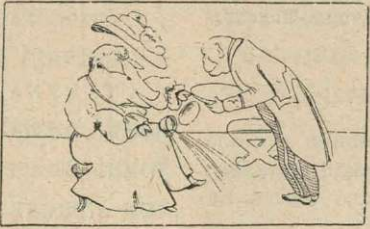
11. Тамъ ихъ встрѣтили два тигра съ вѣжливымъ поклономъ.

12. Затѣмъ вышелъ самъ г. Оленевъ и поцѣловалъ лапку у Хрюшкиной.

13. Послѣ этого они представились хозяйкѣ дома.

14. Имъ подали чай, но г-жа Хрюшкина уронила чашку себѣ на платье.

15. Два лакея должны были обтирать ее салфетками. Ей было неловко.

16. Старая со стыда, Хрюшкинѣ повезъ ее поскорѣе домой. Лакеи смѣялись.

17. Дома Хрюшкинѣ строго спросилъ жену:—
— Какъ вы себя держали?
— Мой другъ... только и смогла она отвѣтить.

18. Тогда Хрюшкинѣ поднялъ лапки къверху и воскликнулъ:—
— Она ведетъ себя, какъ свинья!

ЛѢТНЕЕ УТРО.

Облачка изъ перламутра
Таютъ въ золотѣ лучей...
Ласки радостнаго утра
Стали горячѣй.

Сколько блеска! Что за краски,
Сколько нѣжной красоты!
Вѣтерокъ лепечеть сказки,—
Шепчутся кусты.

Вотъ мелькнулъ въ травѣ росистой
Сѣрый бархатъ мотылька,

Вотъ на чашечкѣ душистой
Нѣжнаго цвѣтка

Вспыхнулъ искрой золотою
Переливчатый жучекъ —
И, какъ дождикомъ, росю
Брызнулъ стебелекъ...

Что за шорохъ? Птичка съѣла
Гдѣ-то близко, на суку...

Ахъ! какъ сладко зазвенѣло
Громкое «ку-ку!»

М. Пожарова.

МОРОЗКО.

Дѣтская пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Старикъ.

Старуха.

Матреша, дочь ихъ.

Аннушка, падчерица старухи.

Дѣвушки и парни.

Дѣдушка-Морозъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Деревенская изба. Старикъ сидитъ у стола и плететь лапотъ, старуха у печки щелкаетъ орѣхи. Аннушка у окна направо пьетъ. За сценой слышно пѣніе дѣвушекъ:

№ 1. Разъ въ Крещенскій вечерокъ

Дѣвушки гадали,
За ворота башмачекъ,
Снявъ съ ноги, бросали;
Снѣгъ пололи подъ окномъ;
Слушали; кормили
Счетнымъ курицу зерномъ,
Ярый воскъ топили!
Въ чашу съ чистою водою
Клади перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Разстлала бѣлый платъ
И надъ чашей пѣли въ ладъ
Пѣсенки подблюдны.

СТАРИКЪ. Старуха, а, старуха! Отпусти мою дочку погулять съ дѣвушками. Вѣдь сегодня праздникъ, всѣ съ горъ катаются, поютъ, пляшутъ. Ей скучно съ нами... Вѣдь она молоденькая.

СТАРУХА. Это еще что за новости!.. Даромъ мнѣ ее что-ли кормить?.. Пусть поработаетъ!

СТАРИКЪ. Эхъ, жена, жена!.. Не любишь ты мою Аннушку. Она работаетъ на тебя съ утра до ночи: и шьетъ, и моетъ, и стряпаетъ, а ты все на нее недовольна!

СТАРУХА. Молчи, старикъ, не серди меня, а то обоихъ васъ выгоню изъ дома! [Встаетъ]. Пойду-посмотрю, какъ моя красавица-дочка гуляетъ съ подружками [уходитъ].

АННУШКА [поетъ].

№ 2. Ясно солнышко закатилось, свѣтла мѣсяца
не видать нигдѣ.

Часты звѣздочки въ тучи спрятались, и темнымъ-темна ночь осенняя.

Трудно въ свѣтѣ жить сиротинищѣ,

Безъ родимаго отца—батюшки,

Безъ родимья своей матушки, безъ братьевъ,
сестеръ... Какъ есть круглomu. [Плачетъ].

Бѣдная я, горемычная! Нѣтъ у меня родимой матушки!.. Некому вступить за меня, приласкать, нарядить... Всѣ-то дѣвушки веселятся,—одна я сижу за работой, спины не разгибая. Другихъ за работу хвалятъ, а меня за все бранятъ, попрекаютъ, бьютъ..

СТАРИКЪ. Полно, дочка, не плачь! Слезами горю не поможешь. Знаю, что надо мнѣ за тебя заступиться, да самого злая баба со свѣту сживаетъ! [За сценой слышенъ шумъ и говоръ. Вбѣгаютъ Матреша и старуха, за ними дѣвушки, которыя окружаютъ Матрешу].

ДѢВУШКИ. Злючка, злючка, сестру Аннушку изводишь! Хвастаешься на-

рядами, а сестра-то твоя цѣлый день дома сидитъ, на тебя злочку наряды шьетъ.. Злая ты, злая!..

СТАРУХА [гонитъ ихъ]. Убирайтесь прочь, не смѣйте обижать мою Матрешеньку! Завидно вамъ, что она всѣхъ васъ наряднѣе, да милѣе? Убирайтесь прочь, не смѣйте больше къ намъ ходить!.. [Дѣвушки убѣгаютъ]. А тебѣ, смиренница, я это припомню! [грозитъ Аннушкѣ].

МАТРЕША [плачетъ]. Матушка, прогони Аннушку. Видѣть ее не могу! Изъ-за нея мнѣ житья нѣтъ отъ дѣвушекъ... Прогони эту нищую, чтобы и духу ея у насъ не было... Ябедница, притворщица!.. [грозитъ Аннушкѣ].

СТАРИКЪ [Матрешѣ]. Съ ума ты сошла!.. Какъ ты смѣешь выгонять сестру!.. Правду сказали дѣвушки, что ты злая: правда-то видно глаза колетъ...

СТАРУХА. Ты мою дочь бранишь?.. Ладно, я-же тебѣ покажу!.. [къ Аннушкѣ] Собирай свое имѣнье, да поживѣй! А ты, старикъ, запрягай лошадь и вези свое сокровище въ лѣсъ къ большой соснѣ. Пусть ее тамъ волки съѣдятъ!..

СТАРИКЪ. Да побойся ты Бога, старуха! Ну, какъ повезу я свое родное дѣтище въ лѣсъ въ такую стужу?..

СТАРУХА. Молчи, старикъ! Если ее не повезешь сейчасъ-же, такъ самъ убирайся вонъ изъ дома! [Старикъ уходитъ].

АННУШКА [кланяется]. Прости меня, матушка, если въ чемъ я провинилась передъ тобой!..

СТАРУХА. Ладно, ладно, нечего хныкать! Я можетъ быть твоего счастья хочу... Будешь ты жить у Мороза въ ледяныхъ палатахъ. Спать будешь на снѣговой перинѣ. Надѣнетъ на тебя Морозъ платье изъ серебряной парчи: нарядитъ, какъ царевну... [Смѣется]. То-то любо тебѣ будетъ!

МАТРЕША. Кланяйся отъ меня дѣдушкѣ Морозу. [Смѣется].

СТАРИКЪ [входитъ]. Что же, дочка, пойдешь! Видно судьба твоя такая...

ЗАНАВѢСЬ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Лѣсъ. Направо сосна. Изъ глубины сцены выходитъ Морозъ въ тулупѣ, большихъ рукавицахъ, мѣховой шапкѣ. Онъ весь осыпанъ снѣгомъ. Въ рукахъ у него дубинка, которой онъ постукиваетъ.

МОРОЗЪ. [Останавливается посреди сцены и поетъ, размахивая дубинкой]:

№ 3. Я—Морозъ-морозецъ, удалецъ я русскій,
Въ бѣлыхъ рукавичкахъ, да въ овчинной шубкѣ.

Берегитесь звѣри, прячьтесь по берлогамъ,
Я иду дозоромъ по лѣсамъ дремучимъ.

Я—Морозъ-морозецъ, аленькія щечки,
Тѣло позноблю я, да душѣ тепленько.

Берегитесь люди, закрывайте ставни:
Я иду дозоромъ по полямъ и селамъ.

Любо мнѣ стучать, щелкать на просторѣ! Звѣри и люди прячутся отъ меня. Попробуй кто-нибудь носъ высунуть, когда я гуляю,—прихвачу его такъ, что цѣлый часъ придется оттирать его потомъ гусинымъ саломъ. Я—сердитый! Ухъ, какой сердитый! Э, да я вижу—не всѣ сегодня боятся меня: [Смотритъ налѣво, прикрывая глаза ладонью]. Ёдетъ сюда какой-то стари-

чекъ съ дѣвушкой. Вотъ изъ саней выходятъ... Сюда идутъ... Ну, и заморожу-же я ихъ на славу! Пусть знаютъ въ другой разъ, какъ въ морозъ по лѣсамъ ѣздить! [прячется за сосну].

СТАРИКЪ. Вотъ мы и пріѣхали, дочка. Ума не приложу—какъ я тебя оставлю здѣсь одну. Да ты не плачь! Слезами вѣдь не поможешь! Все равно мнѣ тебя нельзя не оставить,—старуха на меня осерчаетъ и со свѣту сживетъ!

АННУШКА. Не думай обо мнѣ, ба-тюшка, уѣзжай съ Богомъ! Можетъ быть и не тронетъ меня Морозъ, пожалѣетъ меня, сироту горемычную.

СТАРИКЪ. Эхъ, дочка, если ма-чиха не пожалѣла, такъ Морозъ и подавно тебя заморозитъ! Ну, про-щай, потерпи немного, скоро пріѣду за тобой. [Уходитъ].

АННУШКА.. [садится на сугробъ около сосны]. Хорошо тутъ, тихо, красиво... Такъ-бы и сидѣла тутъ цѣлый вѣкъ! Вотъ если-бы не морозъ, да не звѣри лютые, то и не ушла-бы я отсюда!

МОРОЗЪ. Бѣдная дѣвушка, бѣдная сиротка! Бросили ее здѣсь дикимъ звѣрямъ на съѣденіе! Думаютъ, что и впрямь отъ нея отдѣлались... А чѣмъ она виновата! Неужто только тѣмъ, что добра да трудолюбива, да матери родной не имѣетъ? Такъ нѣтъ же, не подпущу я къ ней ни волка хищнаго, ни медвѣдя лютаго! Буду стоять тутъ и ее не дамъ никому въ обиду [крадется изъ-за сосны и наклоняется надъ дѣвушкой]. Тепло ли тебѣ, дѣвица? Тепло ли тебѣ, красная?

АННУШКА. Тепло, Морозушка. Тепло, голубчикъ! [дуетъ на руки].

МОРОЗЪ [протягиваетъ ей изъ-за дерева теплую шаль]. Надѣнь, красавица.

АННУШКА [закутывается въ шаль]. Спасибо, дѣдушка, Спасибо, миленькій!

МОРОЗЪ [наклоняется надъ ней еще ближе]. Тепло ли тебѣ, дѣвица? Тепло ли тебѣ, красная?

АННУШКА. Божье тепло, Божье и холодно.

МОРОЗЪ [протягиваетъ ей теплые сапоги, перчатки и ставитъ рядомъ съ ней красный сундучекъ]. Бери, дѣвица, бери, красавица!

АННУШКА. Спасибо, дѣдушка! Спасибо, миленькій! [надѣваетъ сапожки и садится на сундучекъ].

ГОЛОСА ДѢВУШЕКЪ И ПАРНЕЙ: Ау, Аннушка, гдѣ ты, откликнись?! Ау! Ау!..

АННУШКА. Ау!.. Ау!.. Я здѣсь! [Морозъ прячется за сосну].

ДѢВУШКИ И ПАРНИ [выбѣгаютъ слѣва]. Вотъ она! Наконецъ-то мы нашли ее! Смотрите—какая она нарядная!..

АННУШКА [встаетъ]. Спасибо, дѣвушки, вспомнили меня... [кланяется].

ДѢВУШКИ И ПАРНИ [показываютъ на сундукъ и шаль]. Откуда у тебя все это?

АННУШКА. Дѣдушка Морозъ пожалѣлъ меня и наградилъ.

ПАРНИ. Ай, да молодчина!..

ДѢВУШКИ. Пойдемъ, Аннушка, домой. Отецъ о тебѣ плачетъ: думаетъ, что тебя и въ живыхъ уже нѣтъ... [окружаютъ ее и съ пѣніемъ уводятъ налѣво]. Морозъ выходитъ изъ-за сосны и смотритъ имъ въ слѣдъ.

морозъ. Прощай, Аннушка! Живи счастливо!.. Эхъ, любо мнѣ гулять на просторѣ! Люди и звѣри всѣ прячутся отъ меня! Кого захочу, того и заморожу!

З А Н А В Ъ С Ъ .

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Та же изба. Старикъ сидитъ за столомъ и плачетъ. Матреша наряжается передъ зеркаломъ. Старуха сидитъ у окна и смотритъ внимательно.

СТАРИКЪ. Бѣдная моя головушка, Нѣтъ у меня дочки любимой. Съѣли ее лютые волки!

СТАРУХА. Полно плакать, старикъ... Будетъ съ тебя и одной дочки. Смотри, какая красавица наша Матреша. Не чета твоей Аннушкѣ.

СТАРИКЪ. Старуха, а, старуха! Поѣду я за ней. Все-таки она дочь мнѣ!

СТАРУХА. Куда ты въ такой морозъ поѣдешь? Сиди ужъ дома! [смотреть въ окно]. Что это?

[За сценой слышно пѣніе:

Ахъ, морозъ—морозецъ, молодецъ ты русскій,
Ходишь въ рукавичкахъ, да въ овчинной шапкѣ.

Ахъ, морозъ—морозецъ, аленькія щечки,
Тѣло познобишь ты, да душѣ тепленько.

Ахъ, морозъ-морозецъ, молодецъ ты русскій!
(Мотивъ тотъ же).

Старикъ и Матреша подбѣгаютъ къ окну.

СТАРУХА. Что это? Дѣвушки и парни идутъ... А между ними никакъ наша Анютка! Да какая нарядная!.. Что же это такое? Вотъ чудеса!

МАТРЕША. Матушка, да кто же это ее такъ нарядилъ?..

СТАРИКЪ. Слава Богу, жива моя Аннушка!..

Входятъ дѣвушки и парни, а впереди всѣхъ Аннушка.

АННУШКА. Здравствуй матушка! Здравствуй, отецъ! Здорово, Матреша!

СТАРУХА [сердито]. Здравствуй! Откуда это ты нарядовъ нанесла?..

АННУШКА. Морозко мнѣ далъ. А вотъ и еще [вынимаетъ изъ-подъ шали сундучекъ]. Мачиха отворяетъ его и ахаетъ. Матреша вынимаетъ оттуда серьги, бусы, ожерелья, шелковые платки и т. д.)

ДѢВУШКИ И ПАРНИ. Что за диво! Вотъ ты и съ приданымъ, Аннушка!

МАТРЕША. Матушка, вези и меня сейчасъ же въ лѣсъ. Мнѣ Морозъ и не такихъ еще нарядовъ подарить... Вези сейчасъ же, или я сама пѣшкомъ убѣгу!

СТАРУХА. погоди, дитятко, до завтра. Поздно ужъ! Ночью въ лѣсу страшно.

МАТРЕША [топаетъ ногами]. Вези сейчасъ же!.. Не хочу, чтобы Аннушка была наряднѣе меня! [плачетъ].

ДѢВУШКИ И ПАРНИ [смѣются]. Ну и храбрая!.. Ночью въ лѣсъ захотѣла!..

СТАРУХА. Нечего дѣлать, старикъ, запрягай лошадь, вези и ее въ лѣсъ! Да смотри не оставляй ее одну. А вы убирайтесь!.. Нечего вамъ тутъ дѣлать больше [гонитъ молодежь. Всѣ уходятъ].

МАТРЕША. Скорѣй, скорѣй, закутывай меня, да потеплѣе. [Мать суетится около нея]. Вотъ такъ! Шубку-то, шубку давай! А гдѣ перчатки? Ну, я и безъ перчатокъ! Теперь, кажется, все... Ну, прощай! [уходитъ].

З А Н А В Ъ С Ъ .

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тотъ же лѣсъ, но уже вечеромъ. Морозъ сидитъ за сосной. Слѣва выходитъ мужичекъ съ вязанкой дровъ, кладетъ вязанку на снѣгъ и подпрыгиваетъ, хлопая въ ладоши.

мужичекъ. Ну и морозъ нынче! И руки и ноги себѣ ознобилъ!.. Только бы мнѣ до дому добраться... Ужъ тамъ то согрѣюсь на горячей печкѣ [дуетъ на руки].

Морозъ забѣгаетъ сзади и дуетъ на него и машетъ руками.

мужичекъ. Ой, батюшки-свѣты!.. Совсѣмъ окоченѣлъ!.. И откуда это вѣтромъ на меня подуло... Кажется и вѣтру-то не было!.. [Щиплетъ себя за уши]. Ой, ой, ой!.. [подымаетъ вязанку и убѣгаетъ направо].

МОРОЗЪ [машетъ ему вслѣдъ дубинкой]. Ха-ха-ха!.. Убѣгай, пока живъ!.. Это еще что за люди?.. [Слѣва выходитъ Матреша. Морозъ прячется за сосну].

МАТРЕША [кричитъ, оборачиваясь налѣво]. Уходи отецъ, уходи, а то мнѣ все дѣло испортишь!.. А завтра приѣзжай на большихъ саняхъ, чтобы было куда имѣнье поставить [быстро подходитъ къ соснѣ и садится на кучу снѣгу. Вынимаетъ изъ кармана узелокъ съ гостинцами и начинаетъ ѣсть]. Хорошо еще, что догадалась взять съ собой пирожка... еще когда-то придетъ этотъ старый хрѣнь—Морозъ!.. [Морозъ изъ-за сосны грозитъ ей пальцемъ]. Что-то онъ мнѣ подаритъ?.. Хорошо бы шубку соболью... Вотъ бы стали завидовать дѣвушки!.. [Морозъ дуетъ на нее изъ-за сосны]. Какой вѣтеръ! Этакъ и замерзнуть не долго... [дуетъ на пальцы и оглядывается]. Скоро ли придетъ этотъ старый дуракъ?.. Не вѣкъ же мнѣ его ждать!..

МОРОЗЪ [выглядываетъ на нее изъ-за сосны]. Тепло ли тебѣ, дѣвица, тепло ли тебѣ, красная?..

МАТРЕША. Ты что это? Смѣяться надо мной вздумалъ, что-ли? Не видишь развѣ, что я совсѣмъ окоченѣла?.. И подлинно, дуракъ!.

МОРОЗЪ [наклоняется еще ближе]. Тепло ли тебѣ, дѣвица, тепло ли тебѣ, красная?.. [Дуетъ на нее].

МАТРЕША. Да что ты въ самомъ дѣлѣ присталъ? [передразнивая его]. «Тепло ли тебѣ?»... Ни руками, ни ногами не могу двинуть, а онъ съ глупыми вопросами лѣзетъ!.. Давай-ка мнѣ соболью шубку скорѣе, да и проваливай откуда пришелъ!.. А мнѣ ужъ и домой пора. Не мерзнуть-же здѣсь всю ночь... [кутается въ шубу и ежится].

МОРОЗЪ. Тепло ли тебѣ, дѣвица, тепло ли тебѣ, красная?.. [сыплетъ на нее снѣгомъ]. Вотъ ужъ какъ тебѣ жарко стало! Не открыть-ли окошечко? [Замерзая, Матрена падаетъ на снѣгъ. Морозъ машетъ надъ ней дубинкой и уходитъ за сосну].

СТАРУХА [за сценой]. Ау, дочка!.. Ау, милая! Гдѣ ты?.. [выходитъ на сцену]. Гдѣ же она?.. Не видать! И тутъ не видать! [подходитъ къ сугробу и видитъ Матрешу]. Что же это? Неужели она? Такъ и есть... Матреша, голубушка, что съ тобой? Никакъ ты замерзла, сердечная? [вбѣгаютъ дѣвушки и парни, за ними старикъ и Аннушка. Всѣ толпятся вокругъ Матрешы].

СТАРУХА. Охъ, горюшко мое! Замерзла наша красавица! Повеземъ ее, старикъ, поскорѣе домой... Отогрѣемъ ее на печкѣ, ототремъ ее суконками!

Матреша! Милая моя доченька! Да очнись-же поскорѣе! Ахъ, я, старая дура!.. И гдѣ была голова моя?.. Какъ я отпустила ее ночью одну въ лѣсъ въ этакій морозъ?.. Это Богъ наказаль меня за сироту... Иди, Аннушка. [обнимаетъ Аннушку]. Прости меня дуру старую!.. Будемъ жить дружно, какъ мать съ дочерью! Я тебя какъ свою родную дочь беречь буду.

МАТРЕША [очнувшись] Поцѣлуй, Аннушка, и меня.

СТАРУХА. Она очнулась! Пришла въ себя! Вотъ радость-то!

МАТРЕША. А все-таки шубки-то у меня нѣтъ!.. [Дѣвушки и парни смѣются].

СТАРИКЪ. Ладно, ладно! Хороша и

безъ шубки! Ёдемте домой... Тамъ наговоримся! А то холодно!

Всѣ. Идемъ! Идемъ!..

дѣвушки и парни [поютъ].

Ужъ я золото хороню, хороню.

Чисто серебро хороню, хороню!

Гадай, гадай, дѣвица,

Разгадай, красавица,

Черезъ поле идучи,

Русу косу плетучи!

Паль, паль перстень,

Въ калину, малину,

Въ красну земляничку

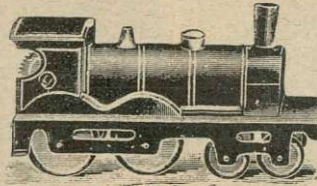
Въ черную смородину!

Всѣ уходятъ направо. Морозъ выходитъ изъ-за сосны и смотритъ имъ въ слѣдъ.

МОРОЗЪ. Ну, вотъ и отлично. Теперь помирились! Давно-бы такъ!

З А Н А В Ъ С Ъ .

М. Ю. Зубова.

ЖЕМЧУЖИНА ОКЕАНА.

(Изъ дѣтскихъ воспоминаній).

(Окончаніе).

— Здѣсь безъ васъ два раза приходили отъ мадамъ Жюли, вчера и сегодня, сообщилъ намъ Мишо, когда мы пили чай.— Просили васъ непременно къ себѣ.

Это сообщеніе сильно взволновало брата. Онъ подумаль, что кто-нибудь изъ семейства мадамъ Жюли захвораль и нуждается въ его совѣтѣ и тотчасъ же, потребовавъ себѣ

пшюпку, отправился въ городъ. Его возвращенія я ожидалъ около двухъ съ половиною часовъ и уже спаль, когда онъ возвратился. Когда онъ вошелъ въ каюту, я вскочиль и сѣлъ на кровати.

— Вотъ тебѣ отъ Алисы! сказаль братъи бросиль что-то на мою постель.

Это былъ прелестный ароматный апельсинъ...

НОТЫ КЪ ПЬЕСЬ «МОРОЗКО».

The first system of the musical score is for No. 1. It consists of two staves: a treble clef staff and a bass clef staff. The key signature has one sharp (F#) and the time signature is 2/4. The treble staff contains a melodic line with eighth and sixteenth notes. The bass staff contains a rhythmic accompaniment with chords and eighth notes.

№ 1. Разъ въ крещенскій вечерокъ...

The second system of the musical score continues the piece. It features the same two-staff format. The treble staff continues the melody, and the bass staff provides accompaniment with chords and moving lines.

The third system of the musical score is for No. 2. It consists of two staves. The key signature has two flats (Bb and Eb) and the time signature is 2/4. The treble staff contains a melodic line, and the bass staff contains a rhythmic accompaniment with chords.

№ 2. Ясно солнышко закатилось...

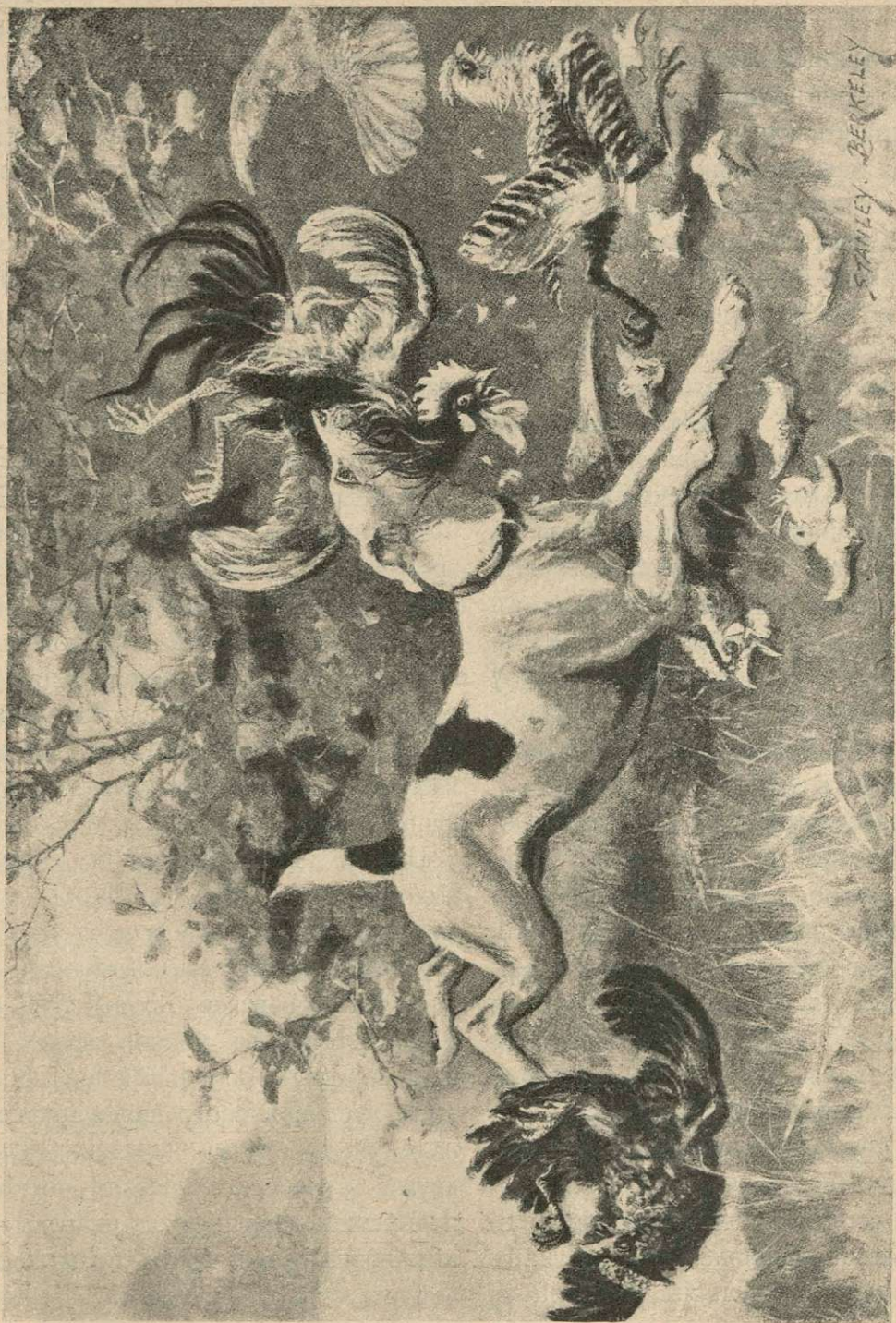
The fourth system of the musical score is for No. 3. It consists of two staves. The key signature has two flats (Bb and Eb) and the time signature is 2/4. The treble staff contains a melodic line, and the bass staff contains a rhythmic accompaniment with chords.

№ 3. Я морозъ-морозецъ...

The fifth system of the musical score is for No. 4. It consists of two staves. The key signature has two flats (Bb and Eb) and the time signature is 2/4. The treble staff contains a melodic line with some triplets, and the bass staff contains a rhythmic accompaniment with chords.

The sixth system of the musical score continues the piece. It features the same two-staff format. The treble staff continues the melody, and the bass staff provides accompaniment with chords and moving lines.

№ 4. Ужъ я золото хороню...

Томка выдворивъль. Бѣдныя куры!

Оказалось, что мадамъ Жюли пригласила насъ принять участіе въ предполагавшейся на завтра прогулкѣ на островъ Моореа.

На другой день утромъ, въ одиннадцатъ часовъ, прихвативъ съ собою и «уистити», мы уже сидѣли на лавочкѣ въ тѣнистомъ садикѣ мадамъ Жюли. Милая хозяйка не знала, чѣмъ подчивать насъ, куда посадить; мужъ ея съ жаромъ пожималъ наши руки... Какъ всѣ радушны на Таити!

Нагрузивъ насъ узелками и мѣшечками, наполненными лакомою пищею, мадамъ Жюли сѣла въ кабриолетъ и, приказавъ намъ ожидать ее въ гавани, уѣхала. Предводительствуемые Жеромомъ, высокимъ брюнетомъ съ длинными усами и маленькою эспаньолкой, мы вышли въ гавань. Сѣвъ у огромнаго заржавѣвшаго якоря, валавшагося на берегу, мы стали ожидать мадамъ Жюли.

Полчаса спустя раздался стукъ колесъ о мостовую и къ намъ подъѣхалъ кабриолетъ съ сидѣвшими въ немъ самою мадамъ Жюли и Ариитеей.

Въ то время, когда братъ высаживалъ дамъ изъ экипажа, г. Жеромъ куда-то убѣжалъ. Возвратился онъ съ кулечкомъ, изъ котораго торчали головки винныхъ бутылокъ.

— Тагурева! громко закричалъ онъ нѣскольکو разъ.

— Тапе-тапе! (ѣду, ѣду) отвѣтилъ голосъ изъ приближавшейся къ намъ громадной пироги, и мы подошли къ самой водѣ.

Два огромные Маориса, Тагурева

и Матарева, причалили лодку къ набережной и, прикрѣпивъ ее, перекинули мостоукъ. Мы сѣли въ лодку и, размѣстивъ узелки, тронулись въ путь. Маорисы налегали на весла и лодка летѣла какъ птица. Выйдя въ море, мы поставили парусъ и помчались еще быстрѣе.

Темная туча съ громомъ и молніей надвигалась на насъ и угрожала намъ. Барашки забѣгали по водѣ и лодку стало накренивать. Мы очень пугались, Маорисы тоже опасались и только братъ и Ариитея оставались спокойными.

Застигнутые наконецъ дождемъ и промокшіе до костей, мы пристали къ острову Эймео и высадились въ его бухтѣ. Маорисы вытащили лодку на коралловый рифъ и отправились съ нами. Дождь лилъ какъ изъ ведра. Попавъ въ какую-то хижину, мы приказали развести огонь и стали просушиваться.

Цѣлый день шелъ дождь, и мы не выходили изъ хижины. Чтобы хоть сколько-нибудь развлечь насъ, мадамъ Жюли пѣла, а ея мужъ подтягивалъ ей.

Только къ вечеру прояснилась погода. Утопая въ мокрой травѣ, мы пошли гулять. Громадная гора на подобіе средневѣковаго замка высилась надъ нами, изъ-за нея видна была другая, точно готическая церковь, поднявшаяся къ небу, а немного лѣвѣе возвышалась гора правильнаго четырехъ-угольнаго вида. Все это тамъ и сямъ было усажено громадными пальмами, у подножія которыхъ

виднѣлись хижины туземцевъ. Пока старшіе пили молоко, я и Алиса на берегу бухты собирали раковины и кораллы.

Часамъ къ девяти мы возвратились на Таити, такъ и не побывавъ въ Moorea. Подѣзжая къ городу, мы увидали въ его гавани какое-то новое судно и саженьяхъ въ двадцати отъ него дымящійся пароходъ. Высаживаясь на берегъ, мы узнали, что это новое судно потерпѣло крушеніе у одного изъ острововъ и пришло чиниться. Дымящійся же пароходъ собирался отправиться за почтой.

На берегу, усадивъ меня въ шлюпку, на которой выѣхалъ за нами Мишо, братъ отправился въ городъ, а я очень усталъ и потому отплылъ къ себѣ на пароходъ. Долго ожидалъ я на палубѣ брата и не ложился спать. Когда же заснулъ весь экипажъ, заснулъ и я въ объятіяхъ моей обезьянки. А на утро ни я, ни обезьяна не увидали брата. Онъ безвѣсти пропалъ.

Печальный бродилъ я по пароходу. Когда я встрѣтилъ капитана Кутюрбе и попросилъ у него шлюпку для переправы на берегъ, онъ мнѣ отказалъ и для моего утѣшенія приставилъ ко мнѣ Мишо. Бѣдный Мишо вертѣлся передъ моими глазами, продѣлывалъ разныя штуки съ обезьяной, дразнилъ какаду, — но я все думалъ о братѣ. Съ горя я уже взялся за грамматику Кюнера. Только къ часу я немного развеселился и сталъ играть съ обезьяной. Мишо подсѣлъ къ намъ съ

какаду, вытащилъ изъ кармана карты и пригласилъ меня сыграть съ нимъ; я согласился, скоро заинтересовался игрой и проигралъ съ нимъ цѣлый часъ. Когда мы доигрывали, къ пароходу пристала пирога, и молодой Маоріецъ, протянувъ вверхъ руку, показалъ намъ письмо. Ему спустили трапъ, взяли отъ него письмо и передали его мнѣ. Оно было написано рукой моего брата и адресовано на мое имя. Я распечаталъ конвертъ и прочелъ слѣдующее:

«Здѣшній докторъ Пратъ попросилъ меня помочь ему въ производствѣ операціи надъ нѣкимъ, лежащимъ въ здѣшнемъ госпиталѣ, таитяниномъ. Разумѣется, я согласился. Окончивъ операцію, я запозднилъ и ужъ заодно остался и на приѣмку.

«Если хочешь повидаться со мною, сядь на лодку подателя сего письма и приѣзжай въ больницу. Онъ тебя проведетъ. Смотри, въ лодкѣ не шали и не упади въ воду. Можетъ-быть вечеромъ мы что-нибудь сотворимъ».

Прочитавъ это письмо я быстро переодѣлся въ свой новый чесунчевый костюмъ, и поѣхалъ въ городъ. Остановившись у пристани и привязавъ пирогу къ торчавшему изъ набережной кольцу, мой проводникъ повелъ меня по аллеямъ черезъ весь городъ и вывелъ въ какую-то рощицу; это было городское кладбище; пройдя по дорогѣ, идущей мимо памятниковъ и крестовъ, мы вышли изъ него и направились по аллеѣ изъ бурао къ длинному одноэтажному дому, окру-

женному тѣнистымъ садомъ; это и былъ госпиталь. Лишь только я переступилъ порогъ, какъ меня обдало неприятнымъ, однѣмъ больницамъ присущимъ запахомъ; вышедшій ко мнѣ прислужникъ ввелъ меня въ комнату, надъ дверями которой висѣла вывѣска съ надписью: «пріемная». Здѣсь сидѣло много больныхъ, ожидавшихъ, когда ихъ примутъ; минутъ черезъ двадцать вышелъ ко мнѣ и братъ; изъ больницы мы отправились къ мадамъ Жюли. У нея насъ оставили ночевать, а рано утромъ на слѣдующій день мы всѣ цѣлою компаніей зашли за Ариитеей и, взявъ ее съ собою, поѣхали въ горы; по дорогѣ насъ захватила страшная гроза. Громадныя пальмы гудѣли въ вышинѣ и громъ нѣсколькими эхо отдавался въ горахъ.

Я чувствовалъ усталость и дрожалъ; «что за диво»? думалъ я про себя и, укрывшись пледомъ, заснулъ въ экипажѣ подъ громовые раскаты и крики мифическихъ Тупапагу, переразвивавшихъ громъ въ горахъ.

На слѣдующее утро я проснулся совсѣмъ больнымъ; чувство недомоганія стояло во всемъ моемъ тѣлѣ и ноги какъ-то неохотно шли и болѣли. Я не помню, гдѣ мы почевали, помню только, что всю ночь я испытывалъ тянущія боли въ мышцахъ и ногахъ, и что мой сонъ, прерываемый иногда ползаніемъ по тѣлу какихъ-то улитокъ и ящерицъ, былъ нарушаемъ еще ужасными видѣніями.

А затѣмъ мы вернулись къ мадамъ

Жюли и прожили у нея цѣлые два мучительные дня, въ которые я положительно не вставалъ съ постели и хворалъ; добрая француженка подчивала меня разными лѣкарствами, а братъ, сильно озабоченный, ничего не предпринималъ и будто выжидаль чего-то; когда же на исходѣ второго дня страшный потрясающій ознобъ охватилъ меня съ ногъ до головы и послѣ этого произошло громадное повышение температуры, я на нѣсколько минутъ потерялъ сознание; я слышалъ какъ меня перевозили на пироги на пароходъ, чувствовалъ сухость во рту и сильную боль въ животѣ; какое-то непонятное, безформенное пятно стояло у меня передъ глазами и горячее дыханіе жгло верхнюю губу. А затѣмъ закружилось все и я потерялъ сознание.

Цѣлыя пять недѣль я прохворалъ брюшнымъ тифомъ, заразившись имъ въ больницѣ.

Когда я почувствовалъ себя совершенно здоровымъ и счастливыми глазами обвелъ вокругъ себя, странная обстановка на первый взглядъ поразила меня; я лежалъ въ свѣтлой, высокой комнатѣ, наполненной прелестнымъ запахомъ датуръ, а не въ душной каютѣ; около меня сидѣлъ мой братъ, немного похудѣвшій, и Моэ, оба разговаривали шепотомъ и изрѣдка оборачивались въ мою сторону; около моей кровати, мягкой-премягкой, стояла табуретка, уставленная лѣкарствами; на табуреткѣ

были странные узоры, выведенные красною и золотою краской.

— Гдѣ я? обратился я къ брату и засмѣялся.

— Чтò, пріятно выздоравливать? спросилъ онъ меня.

Я засмѣялся опять: мнѣ такъ было весело!

— Благодари вотъ ее, указаль братъ на Моэ.—Это она все время ухаживала за тобой.

Я протянулъ впередъ губы и поцѣловаль подставленную мнѣ щеку Моэ.

— Гдѣ же я? спросилъ я снова.

— У Помаре.

— Какъ я сюда попалъ?

— А тебѣ какое дѣло?

Я засмѣялся. Все мнѣ казалось милымъ и прелекательнымъ, такъ были хороши братъ и Моэ, а изъ окна тянуло свѣжестью наступавшаго вечера и запахомъ цвѣтовъ; гдѣ-то вдали раздавались звуки пѣсенъ и удары тамъ-тама; меня такъ потянуло въ горы, что я сказалъ:

— Поѣдемъ къ Туанахаиру!

— Поѣдемъ, поѣдемъ... засмѣялся братъ.

Онъ былъ тоже веселъ.

Чась спустя ко мнѣ подошла Помаре, и молча погладила меня по головѣ.

— Гетѣа! (исхудаль)—проговорила она, уходя.

Въ тотъ же вечеръ меня посѣтила и мадамъ Жюли; войдя въ комнату, она сѣла ко мнѣ на кровать и стала пѣть мнѣ пѣсни.

А недѣлю спустя, я уже гулялъ по садамъ королевы и полною грудью вдыхалъ его ароматы. Изъ-за загородки сада виднѣлись море и пестряющіе на немъ корабли. Лѣсъ мачтъ темнѣлъ изъ-за деревьевъ и шумъ съ набережной долеталъ до моихъ ушей... Я стоялъ у ограды и долго неотходилъ отъ нея...

Немного позже, идя во дворецъ, я встрѣтилъ брата.

— Ты бы выпилъ микстурки, сказалъ онъ мнѣ. Пора, уже шесть часовъ.

Я пошелъ и принялъ лѣкарства.

Въ тотъ же вечеръ мы получили изъ Россіи телеграмму, вызывавшую насъ домой...

Важныя политическія событія, происшедшія на Балканскомъ полуостровѣ и начавшіяся годомъ ранѣе того, какъ мы пріѣхали въ Таити, заставили Россію придвинуть свои войска къ границамъ Молдавіи.

Наступала Русско-Турецкая война.

Брата прикомандировали младшимъ врачомъ къ 2-му Н. полку и вызывали въ Москву къ 1-му сентября 1876 года.

Намъ давали сроку только два мѣсяца, а намъ предстояло еще посѣтить Америку, Бразилію, Канарскіе острова. Успѣемъ ли мы побывать въ нихъ?

Было рѣшено черезъ четыре дня, именно 30-го марта, покинуть Таити.

Цѣлые дни я и братъ ходили по городу и его окрестностямъ и навсегда прощались съ ними. Мнѣ было такъ жаль покидать Папеити, такъ

грустно было разставаться съ тѣми мѣстами, гдѣ я прожилъ три мѣсяца и два дня, гдѣ я умиралъ и вдругъ воскресъ, что я то и дѣло умолялъ брата остаться въ Таити навсегда.

— Нельзя, мальчикъ, нельзя! только и отвѣчалъ онъ мнѣ.

Когда-же мы подходили къ гавани и прощальными глазами глядѣли на нее, на рейдѣ я увидаль только нѣсколько незнакомыхъ мнѣ пароходовъ.

— А гдѣ же нашъ «Быстрый»?— удивленно спросилъ я брата.

— Тю-тю! Онъ давно уже на пути въ Европу... отвѣчалъ мнѣ Анатоль.

— Какъ? А на чемъ же мы поѣдемъ?

— А вонъ, видишь на рейдѣ бѣлый пароходъ... Это «Марія-Антуанета». Она-то, братецъ, и повезетъ насъ домой...

— Экая досада! Я такъ и не простился съ Мишо и съ Кутюрье.

Братъ печально улыбнулся.

— Мишо здѣсь... сказалъ онъ.— Мы сейчасъ къ нему поидемъ.

— Какъ здѣсь? Гдѣ онъ? засыпаль я его вопросами, но братъ не отвѣчалъ.

Маленькій кабриолетъ повезъ насъ за городъ... Вотъ уже передъ нами роскошный горный пейзажъ Орохены... Вонъ ужъ и кладбище и ненавистная больница.

— Ты къ доктору, опять въ больницу? спросилъ я брата, когда наша коляска остановилась у кладбищенской калитки.

— Нѣтъ, къ Мишо...

Я дико поглядѣлъ на него и молча съ волненіемъ пошелъ за нимъ. Братъ подвелъ меня къ свѣженькой могилкѣ съ маленькимъ крестомъ изъ лимоннаго дерева. Мелкая надпись чернѣла на немъ и запахъ лимона стоялъ во кругъ могилы...

Франсуа Мишо,
гражданинъ Французской республики.

Матросъ съ «Быстраго».

Скончался 2 марта

1876.

Миръ его праху!

Такъ говорила скромная надпись на скромномъ крестѣ...

Я заплакалъ.

— Полно, мальчикъ, уговариваль меня братъ.

И мнѣ представилась знакомая картина... «Быстрый», качаясь на волнахъ, плыветъ по океану, волны заливаютъ черезъ бортъ, матросы суетятся, кричатъ... А Мишо уже нѣтъ. Онъ лежитъ гдѣ-то внизу, по ту сторону океана и прелестныя мимозы колеблются надъ его могилой и нашептываютъ ему легенду о Таити.

— Отчего онъ умеръ?—спросилъ я брата.

— Заразился отъ тебя..

Я заплакалъ опять.

Долго мы простояли у могилки Мишо и долго потомъ молчали. А когда мы вернулись въ городъ, то былъ уже вечеръ и у королевы Помаре былъ балъ. Въ то время, когда во дворцѣ подъ звуки фортепіано пля-

сали вальсъ, въ саду у королевы шла таитянская національская пляска «упа-упа». Двѣ танцовщицы, окруженный хоромъ, подъ звуки пѣсни и удары тамъ-тама, вертѣлись въ бѣшеной пляскѣ. Онѣ то вдругъ замирали, останавливаясь на нѣсколько минутъ, то вновь пускались плясать до тѣхъ поръ, пока не падали за-мертво и ихъ не замѣняли другія. Народъ толпами стоялъ у дворца и заглядывалъ въ окна.

А на другой день съ утра густой дымъ стоялъ надъ пароходами. «Марія-Антуанета» собиралась уходить и разводила пары. Въ часъ пополудни, сдѣлавъ прощальные визиты, мы уже стояли на пароходѣ.

Прекрасный островъ постепенно удалялся отъ насъ, на берегу стояли

наши знакомые и махали намъ платками. Тяжелое чувство лежало у насъ на сердцѣ.

Часъ спустя, мы были уже далеко, и только одинокій силуэтъ Ариштен все еще стоялъ на берегу и провожалъ насъ въ путь...

Прощай, Таити! Прощай, Мишо!

Возвратясь въ Россію, братъ пошелъ на войну, а я поступилъ въ гимназію. А затѣмъ, полтора года спустя, ровно 1-го октября 1877 года, мрачное извѣстіе достигло до меня въ гимназическомъ пансіонѣ. Мой братъ, Анатолий, палъ при Дунаѣ жертвою той самой болѣзни, которая пощадилла меня и погубила Мишо...

И я остался одинъ...

М. В—скій.

РАЗСКАЗКИ.

Одинъ крестьянинъ лежалъ въ тѣни подъ дубомъ и глядѣлъ на огородъ, около котораго росъ этотъ дубъ. По забору вилась тыква съ громадными плодами. Крестьянинъ покачалъ головой и подумалъ:

«Вотъ если бы я могъ, то сдѣлалъ бы какъ разъ наоборотъ: на дубу этомъ приказалъ бы произрастать тыквамъ, а на тыквѣ — жолудямъ. Воображаю, какіе громадные плоды тогда приносили бы дубы! А то зрѣютъ на немъ какіе-то никому не нужные маленькіе жолуди! То ли

дѣло тыквы! И были бы онѣ тогда по нѣскольку пудовъ вѣсомъ!»

Въ это время съ вершины дуба сорвался жолудь и ударилъ крестьянина прямо по носу. Потекла кровь и стало больно.

Крестьянинъ вскочилъ, почесалъ себѣ затылокъ и еказалъ:

— Вотъ хорошо, что на этомъ дубу растутъ жолуди, а не тыквы! Вѣдь если бы этакая вотъ штука да свалилась на меня съ вершины дуба, то тутъ не только носа, а меня самого не осталось бы въ живыхъ!

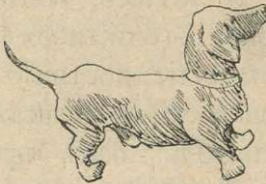
Какъ-то на смотру у Наполеона I снесло вѣтромъ шляпу. Молодой поручикъ подхватилъ ее и подалъ ее Императору.

— Благодарю васъ, капитанъ, сказалъ ему Наполеонъ, не разобравъ отъ пыли его чина на воротникѣ.

— Какого полка, ваше величество? спросилъ находчивый поручикъ.

Императоръ улыбнулся и отвѣтилъ:

— Кирасирскаго второго!

ШАРАДА № 3.

Шарада—лучшая забава!
Одесса, Ревель, Таганрогъ,
Бердянскъ, Архангельскъ и Либава,
На эгогъ разъ—мой первый слогъ.

Второй мой слогъ приплылъ когда-то,
Когда обсохла часть полей,
Къ твердынямъ мрачнымъ Арарата
Съ громаднымъ домомъ для звѣрей.

А вмѣстѣ все, сложивъ два слога,
Узнать такъ просто, такъ легко!
Онъ шьетъ, кроитъ и часто много
Намъ портитъ суконъ и трико.

(Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ эту шараду, будутъ напечатаны).

ЗАДАЧА № 2.

Даны четыре слова: прут
луна
пила
салат.

Переставить въ каждомъ изъ нихъ буквы, такъ, чтобы получилось:

Изъ перваго—мертвое тѣло.

Изъ втораго—конный солдатъ.

Изъ третьяго—дерево.

Изъ четвертаго—собрание географическихъ картъ.

При этомъ начальныя буквы этихъ новыхъ словъ должны составить собою названіе города въ центральной Россіи.

Разгадка задачи № 1. Мышь, Осель, Сани, Курица, Вѣтка, Азбука=Москва.

Разгадка шарады № 2. Коль+басня=Колбасня.

Вѣрное рѣшеніе этихъ задачи и шарады прислали:

Шура Романчукъ въ Спб., М. Дроздовъ въ Спб., Костя Жировъ въ Спб., Женя Кузьмина въ Спб., Г. Сѣкеринъ въ Гатчинѣ, Аня Хвостова въ Вологдѣ, Миша Касаткинъ въ Спб., Коля Скородумовъ въ Спб., Вѣрочка Боборкина въ Гомелѣ, Сергѣй и Николай Копытько въ Екатеринославѣ, Анна Каганъ въ Ревелѣ, Наташа и Лена Фомичевы въ Сызрани, Володя Орловъ въ Одессѣ, А. Штемпель въ Таганрогѣ, Галя Котельникова въ Верхнеднѣпровскѣ, Лидія Ландманъ въ Архангельскѣ, Саша Львовъ въ Каннахъ, во Франціи, Шура Чекуновъ въ Новочеркасскѣ, Леночка Андреева въ Феодосіи, Маруся Блинова въ Вильнѣ, Тая Горецкая въ Спб., А. Дюпюи въ Саратовѣ.

Вѣрное рѣшеніе задачи прислали:

Маня Мансырева въ Спб., Котикъ Головановъ въ Спб., Коля и Маруся Алексѣевы, Тася Быкова, Б. Стольниковъ въ Новгородѣ, Саша Дитяткина въ С. Руссѣ.

Вѣрное рѣшеніе шарады прислано отъ Бори Шувеляева изъ Армавира.